Е.В. ЯКИМОВИЧ
(Волжский)

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ (НА ФОНЕ РУССКОЙ)

Представлены результаты сопоставления лингвоаксиологических характеристик немецкой и русской концептосфер, установленных на основе анализа концептуализации понятия социальной нормы в русском и немецком языках. Проведено сравнение ценностной составляющей лингвокультурных концептов, соотносимых с такими элементами структуры нормы, как основание и санкция.

Ключевые слова: *ценности, нормы, концепты, законы, правила, картина мира.*

Проблематика ценностного измерения культуры объединяет множество научных направлений гуманитарного цикла, поэтому внимание исследователей обращено к тем областям, где пересекаются интересы и возможности лингвистики, антропологии, культурологии, социологии и психологии. Поиск параметров и методов аксиологического сопоставления лингвокультур на периферии лингвистики позволил достичь важных результатов и подготовил базу для формирования в рамках современного языкознания лингвоаксиологии. Наибольший вклад в ее становление вносит концептологическая парадигма лингвокультурологии, которая нацелена на характеристику национальных концептосфер путем описания ее единиц – концептов.

Аксиологически ориентированная лингвоконцептология рассматривает концепт как ментальное образование, включающее понятийную, образную и ценностную составляющие. Структура концепта описывается при помощи компонентного, контекстуального, интерпретативного и этимологического анализа. Важнейшими средствами вербализации концептов признаются прямые и переносные значения слов, универсальные высказывания, коммуникативные стратегии и тактики, типы и жанры дискурса [4; 6; 7; 10; 13].

В проводимом нами исследовании базовыми единицами лингвоаксиологической картины мира признаются ценности и нормы, характеристики которых выводятся из оценочной стороны концептов. Главными принципами ее описания выступают комплексность, многомерность, вербально-концептологическая репрезентативность и межкультурное сопоставление. Основанием для сравнения является русская концептосфера, при сопоставлении с которой выявляются специфические характеристики немецкой аксиологической картины мира [1].

Лингвоаксиологические отличия немецкой концептосферы объясняются не только наличием культурно-специфичных концептов, степенью их яркости и разной комбинаторикой понятийных признаков, но и прежде всего типологической принадлежностью актуальных концептов. Если для русской картины мира более значимы концепты, характеризующие внутренний мир человека и его эмоциональное состояние – «душа», «судьба», «тоска» [3], то для немецкой более важную роль играют нормативные концепты («правило», «закон»), концепты-регулятивы поведения («порядок», «приказ», «пунктуальность»). На это указывают семантика глаголов долженствования, содержание прецедентных высказываний и юмористических текстов, где немцы изображаются как чрезвычайно щепетильные и педантичные люди.

Концепт «норма» понимается в качестве ментального образования, содержанием которого выступает представление о правильном поведении. К компонентам его структуры относятся основание, санкция и императив. Его главными характеристиками признаются распространенность и устойчивость, привычность и прогнозируемость, интенсивность воздействия на поведение.

Специфика концептуализации элементов структуры нормы в русском и немецком языках показывает, что в немецкой лингвокультуре имеет место преимущественная ориентация поведения на внешние и формальные нормы. Представитель немецкой культуры ориентируется на текстуально зафиксированные правила, выполнение которых контролируется

© Якимович Е.В., 2012

социальными институтами. Этимологический анализ показывает, что для становления концепта нормы в немецкой лингвокультуре важную роль сыграла его связь с концептом времени, понятиями фактуальности, прочности и устойчивости («fest»): *Satz* – «то, что установлено», *Gesetz* – «то, что установилось, совокупность установлений», *Gewohnheit* – «то, что прижилось», *Beispiel* – «жизненный факт». Функцией заимствованных единиц в немецком языке выступило обозначение разновидностей норм, для которых релевантны различные аспекты: *Muster* – внешняя сторона, *Instruktion* – письменная форма, *Prinzip* – высокий статус, *Standard* – качество жизненного уровня.

В русской лингвокультуре ориентиром служили знаки пространственного ограничения, выделение территориальных границ, а в немецкой – факт существования нормы, ее прецедентность, древность установившегося правила, опыт предыдущих поколений. В русской лингвокультуре концепт нормы тесно связан с концептом пространства. Так, единицы *черта, рубеж, образец, грань, граница* соотносимы с глаголами, обозначающими действия, направленные на объект с целью его преобразования и дальнейшего использования как знака пространственных пределов [5; 11; 12]. Развитие их семантики представлено таким образом: физическое восприятие пространства, выделение границ, знаковость границ, перенос качественной квалификации в сферу социальных отношений, подкрепление со стороны власти, негативное отношение, если правилам следуют без внутренней потребности.

Сопоставление семантики лексических единиц с общим значением ‘норма’ показало, что немецкое языковое сознание отмечает специальной группой синонимов такие характеристики, как императивность и значимость формальных оснований (*Weisung, Direktive, Instruktion, Vorschrift*), а русское – отрицательное отношение к бездумному следованию формальным нормам (*трафарет, штамп, шаблон, стандарт, стереотип, клише*). Представителю немецкого социума рекомендуется не интерпретировать, а точно выполнять внешние нормы. Внутреннее отношение менее значимо (*Besser heimlich Schade als offene Schande*), при оценке поведения характеристики персональности следует проявлять менее интенсивно (*In eigener Sache kann niemand Richter sein*). Подчеркнем, что характеристики персональности мы понимаем как комплекс признаков, репрезентирующих те или иные качества участника коммуникативного процесса, способствующие его интерпретации как индивидуальной языковой личности в противоположность качествам, указывающим на принадлежность к конкретному социальному институту (например, желание общаться, эмоциональное состояние, субъективное мнение о происходящем). Для немецкой лингвокультуры менее важными оказываются обстоятельства настоящего момента, что позволяет говорить о большей стабильности немецкой аксиологической картины мира.

Основание социальной нормы – это непосредственный ориентир, которым руководствуется человек в своем поведении. Для немецкой лингвокультуры данное понятие оказывается более актуальным. Так, в концепте «Recht» сглаживаются важные для русского языкового сознания противопоставления субъективности и объективности, поддержки государством или общественным мнением. Отличия концептов «долг» и «Pflicht» затрагивают сферу основания долга (не только моральные нормы, но и разные виды институциональных норм) и характер отношения к нему человека. Выполнение долга в немецкой культуре основывается не только на внутреннем убеждении, оно может быть вынужденным в силу взятых обязательств, закрепленных в договоре и контракте. В случае невыполнения долга человек несет ответственность как перед своей совестью, так и перед обществом, государством, может быть наказан в правовом порядке. Эквивалентом русского сочетания «права и обязанности» выступает немецкое *Rechte und Pflichten.*

Большим своеобразием отличается концептуальное представление ситуаций нарушения норм, отношения к санкции как элементу структуры нормы. На это указывают отсутствие однозначных соответствий в словарях и крайняя непоследовательность выбора эквивалентов при переводе языковых единиц, соотносимых с концептами «вина», «грех», «позор», «стыд», «Sünde», «Schmach», «Schande», «Scham». Объединяющим признаком немецких концептов выступает социализированность. За лексемами, репрезентирующими указанные концепты, стоит ситуация, свидетелями которой выступают представители социума, санкция заключается в понижении социального статуса индивида. Она является причиной тяжелых переживаний человека, осознающего вред, нанесенный репутации.

Концепт «Schande» указывает на санкцию социума, которая следует после того, как стало известно о нарушении норм. Действия в отношении нарушителя не обязательно достав-

ляют ему физическую боль или наносят непосредственный ущерб жизни, здоровью и материальному благополучию. Они имеют символический характер, свидетельствуя о социальном унижении. Как показывает анализ внутренней формы фразеологизмов (например, *den Schandmantel tragen* – «потерять свою честь, опорочить свое доброе имя»), наказание может состоять в необходимости носить определенную одежду (*Schandmantel, Schandlaken, Schandkleid*). Концепт «Schande» маркирует ситуацию, когда человек понимает, что стал причиной позора, но интенсивные отрицательные эмоции связаны с отношением социума, а не с нарушением.

Концепт «Scham» указывает на мучительное чувство (смущение), которое основывается на субъективной оценке собственных действий. Человек понимает, что скомпрометировал себя, показал моральную несостоятельность, совершил нечто неприличное, порочащее его и заслуживающее наказания. Он раскаивается, а внутренние переживания проявляются внешними реакциями (покраснение) и вызывают желание скрыться от других. Концепт «Schmach» фиксирует представление о необоснованной санкции. Нарушения социальных норм не происходит, человек считает осуждение социума незаслуженным, поэтому подобная ситуация вызывает желание мести: *Schmach sucht Rache.*

Сопоставление русских и немецких концептов, соотносимых с понятием санкции, показало, что в русской лингвокультуре различия по признаку социальной регламентации реже фиксируются отдельным концептом. В немецкой лингвокультуре с ситуацией понижения социального статуса связан не только концепт «Scham» (соответствующий концепту «стыд»), но и «Schande» и «Schmach». Оценка социума более важна для представителя немецкой лингвокультуры, чем для члена русскоязычного общества.

Обозначенное положение подтверждается наличием в немецкой лингвокультуре концепта, объединяющего представление о нарушении социальных норм с обязанностью возмещения вины. Концепт «Schuld» обозначает санкцию, которая следует за нарушением, и выступает ориентиром будущего поведения. «Schuld» имеет двойную временную направленность: на прошлое и на будущее. Он связан с нормами нравственности, правопорядка, религиозными заповедями (*sittliche Normen, rechtliche Ordnung*), выполнение которых признается долгом человека (*Pflicht*). Нарушение подобных норм расценивается как несправедливость (*begangenes Unrecht*), злодеяние (*Missetat*), является причиной неприятностей и несчастья (*Ursache von etwas Unangenehmem, Bösem oder eines Unglücks*) [14]. Данный концепт выступает внутренним регулятивом, с ним связаны глубокие переживания, что выступает и санкцией, и основанием для последующего соблюдения норм. Он соотносится с различными социооценочными концептами русской лингвокультуры, что отражено в двуязычных словарях: *sich keiner Schuld bewusst sein* – «иметь чистую совесть», *Schuld und Sühne* – «преступление и наказание», *ohne meine Schuld* – «не по моей вине», *ich bin in Ihrer Schuld* – «я перед Вами в долгу, я Вам обязан» [2; 8; 9].

В качестве итога обозначим наиболее важные лингвоаксиологические особенности немецкой концептосферы. Актуальные для немецкой лингвокультуры концепты (в их числе и концепт «норма») по своим типологическим признакам относятся к регулятивам поведения. К самым значимым ориентирам поведения принадлежат формальные законы и правила, личностная интерпретация которых не поощряется. Роль общественных санкций за нарушение норм имеет большее значение по сравнению с самооценкой. Указанные характеристики в максимальной степени способствуют поддержанию стабильности немецкой ценностной картины мира.

Литература

1. Бабаева (Якимович) Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.

2. Большой немецко-русский словарь : в 2 т. М. : Рус. яз., 1980.

3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Яз. рус. культуры, 1999.

4. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград : Перемена, 2003.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1999.

6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.

7. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград : Перемена, 2001.

8. Рахманов И.В. [и др.] Немецко-русский синонимический словарь. М. : Рус. яз., 1983.

9. Русско-немецкий словарь. М. : Рус. яз., 1983.

10. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена, 2004.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб. : Терра – Азбука, 1996.

12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1999.

13. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград : Перемена, 2000.

14. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. München : Mosaik Verlag, 1986–1989.

Linguistic and axiological specificity of German concept sphere

There are suggested the results of comparison of linguistic and axiological characteristics of the German and Russian concept spheres. The given characteristics are stated, based on the analysis of conceptualization of the notion of social norm in the Russian and German languages. There are compared the value components of linguistic and cultural concepts, correlated with such structural elements of the norm as base and sanction.

Key words: *values, norms, concepts, laws, rules, world picture.*

Н. А. КАТАЕВА
(Элиста)

ОБРАЗНО-ПЕРЦЕПТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВЫРАЖЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ В КАЛМЫЦКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Рассмотрены сочетаемостные характеристики выражения благодарности в калмыцком, английском и русском языках. Анализ средств объективации концепта «благодарность» показал, что способы выражения благодарности в рассматриваемых лингвокультурах имеют как некоторые сходства, так и значительные различия на лингвистическом и паралингвистическом уровнях.

Ключевые слова: *концепт, лингвокультура, благодарность, образно-перцептивная составляющая, сочетаемость.*

В настоящей работе благодарность – одна из важнейших категорий жизни общества – рассматривается как концепт. На наш взгляд, благодарность, подобно таким концептам, как «любовь», «дружба», «судьба», относится к ключевым концептам культуры, т.к. представление людей о благодарности формировалось веками и проявлялось в нормах межличностного общения в разных лингвокультурах.

С целью выявления образно-перцептивной составляющей рассматриваемого концепта в калмыцкой, английской и русской лингвокультурах мы проанализировали сочетаемостные характеристики средств объективации концепта «благодарность» в соответствующих языках.

Материалом для исследования послужили художественные произведения калмыцких авторов, статьи изданий местной периодики, а также Британский национальный корпус и Национальный корпус русского языка в период XX – начала XXI в.

Анализ примеров показал, что самым частотным способом выражения благодарности в калмыцком языке является использование дериватив лексемы *ханх* (благодарить): *ханлт өргх / медүлх* – выражать благодарность, *ханҗанав(идн)* – благодарю(им). В официальном регистре речи чаще всего употребляется выражение *ханлт(ан) өргх*, неоднократно встречавшееся в местных периодических изданиях: *РИПКРО-н ректор Лилия Мунчинова өвәрц кичәлмүд үзүлсн билгтә багшнрт ик ханлтан өргв* (Хальмг үнн. №153). – *Ректор РИПКРО Лилия Мунчинова выразила большую благодарность талантливым учителям, продемонстрировавшим оригинальные уроки*.

Истинно калмыцкий способ выражения благодарности за значимые заслуги и поступки – благодарение краткими словами йорялаблагопожелания – нередко наблюдается и в художественных произведениях. В следующем примере приехавший в глухое калмыцкое поселение русский доктор Вадим принимает благодарность от калмычки за спасение жизни ее дочери: – *Ут наста бол! – гиһәд Вадимин өмнәс өкәһәд икәр хансар эврәһәрн медүлв.*

– *Проживи много лет! – сказав, поклонилась Вадиму, таким образом, выражая огромную благодарность* (Зултрhн).

Благодарность очень тесно связана с понятием радости *байр*. О том, что чувству благодарности всегда предшествует чувство радости, говорит следующий отрывок: – … *Тегәд эврәннь байран болн ханлтан танд медүлхин төлә эн мод зорад суулав. Тана кееригадгтан невчк дуражи?*

© Катаева Н.А., 2012